

Автопортрет. Картон, масло. 1960-е годы.

ХУДОЖНИК 007

Редко, но такое всё же происходит: вдруг случается открытие сверхновой звезды – появляется художник, работы которого никто до этого не видел. И все: «Ах, какие прекрасные работы!» А человек-то умер давно, да и при жизни к славе не стремился. Он был, но его как бы не было. Ему просто всю жизнь нравилось рисовать.

Речь идет о художнике Николае Калабухове (1925–1987), который шел под грифом «секретно»: работа в оборонном конструкторском бюро была несовместима с публичностью. Более того, журналисты писали, что «под кодовым номером 007 в Книге почета ПАО «НПО «Искра» скрыто имя талантливого живописца».

ТЕКСТ: СВЕТЛАНА ФЕДОТОВА

► Гроза в сентябре. Бумага, акварель. 1970-е годы.

В проектно-конструкторском отделе этого КБ наш герой проработал четверть века, и занимался технической графикой: иллюстрировал разработки для заказчиков из Москвы. «Его работы демонстрировались в министерствах и на всесоюзных выставках, отраслевых совещаниях и советах главных конструкторов, в залах Академии наук», – пишут в аннотации к его работам искусствоведы.

Пермь узнала о нем в 2013 году. А вышло так.

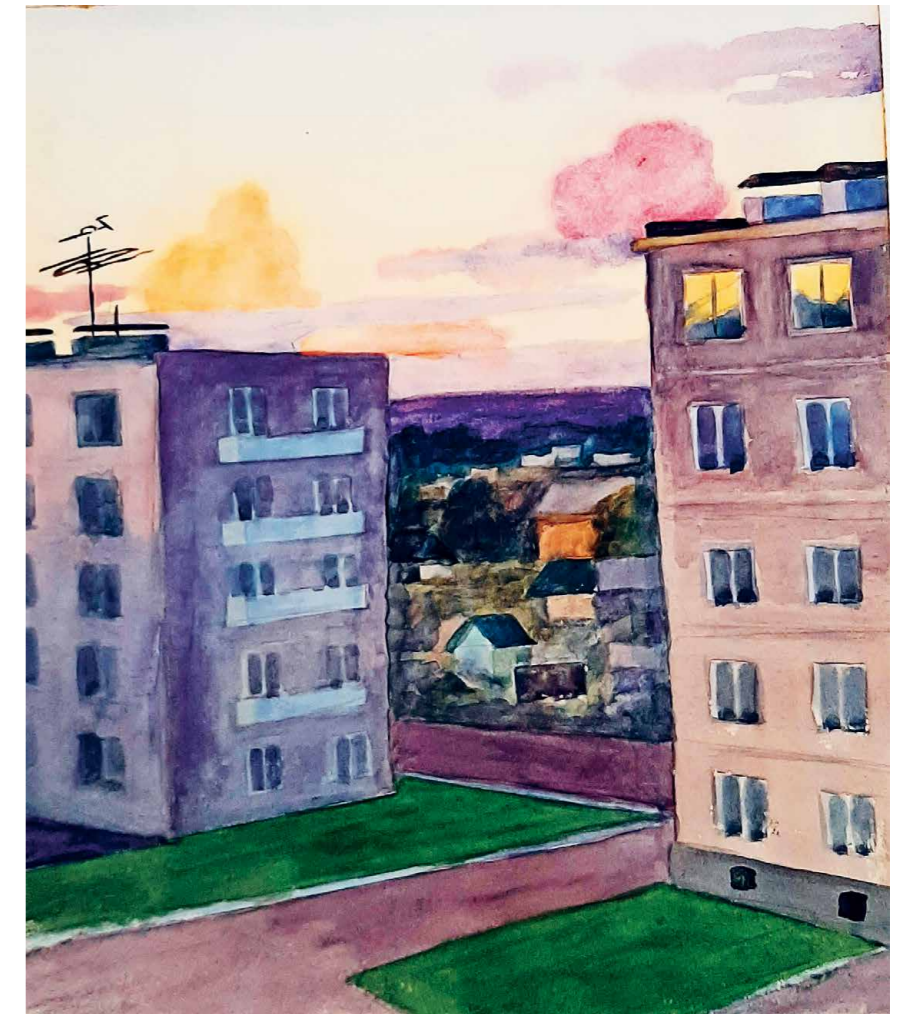
Однажды в галерею «Марис-Арт» пришла женщина и показала рисунки: «Скажите, они представляют интерес?» Это была дочь Николая Калабухова Людмила Реброва. Вот как она рассказывает:

– От папы осталось много работ, и я не знала, что с ними делать. Оформила три этюда и отдала в салон-магазин на площади Дружбы. Но там их никто не покупал. Их уценивали-уценивали, и наконец отдали мне обратно. Из газет узнала про галерею «Марис-Арт», и однажды, гуляя по городу, зашла туда, чтобы показать папины работы. «Обнаженку» сразу завернули, а вот пейзажи очень понравились.

Татьяна Пермякова, директор галереи «Марис-Арт»:

– Это были отличные работы! А еще есть? – спросили мы дочь художника. Оказалось, что их много. Людмила Николаевна привозила еще и еще, и мы были поражены мастерством художника, его умением простыми средствами передать движение ветра, погоду, атмосферу. В его работах остро чувствуется время – это 1970–1980-е годы. Известный искусствовед Ольга Старцева тоже высоко оценила работы Николая Калабухова, и мы решили сделать выставку.

Назвали ее немудрено: «Художник, которого не было». Это была первая персональная, не в стенах конструкторского бюро, выставка Николая

Калабухова. Она стала громким событием культурной жизни Перми – такие открытия бывают редко.

Вадим Зубков, сейчас директор галереи «Проверено временем», а тогда арт-директор галереи «Марис-Арт»:

– Пейзажи были просто «бомба»! Сейчас они все по хорошим коллекциям «разбежались». К слову, работы Калабухова хоть за кого можно выдавать из «раскрученных» художников, к примеру – Кончаловского: классические поиски начала века. Мы понятия не имеем, что у него было бы в станковой живописи, если бы до нее дело дошло. К сожалению, от него остались только этюды.

Николай Калабухов мечтал посвятить себя живописи уже на пенсии. И холст большой стоял, уже загрунтованный. И краски, в Ленинграде купленные,

лежали наготове. Но вскоре после выхода на заслуженный отдых у него обнаружили смертельную болезнь, и он очень быстро ушел, так и не приступив к делу жизни. Холст так и остался пустым.

Людмила Реброва:

– Мы пытались его лечить всем, чем можно. Он до последнего верил, что выздоровеет, и не разрешал делать себе обезболивающие уколы.

Вся жизнь его была предтечей свидания верного с собой-художником. Он шел к этому всю свою жизнь, через обстоятельства. Для рожденных в 1925 году вариантов биографии было не так уж и много, и через все шла Великая Отечественная война. Николай Калабухов не воевал, он работал на «Мотовилихинских заводах» оформителем. В 30 лет поехал в Нижний Тагил, чтобы сделать свою мечту реальной: поступил

◀ Последняя осень. Бумага, акварель, 1970-е годы.

▼ Светает. Бумага, акварель, 1970-е годы.

в Уральское училище прикладного искусства, которое на тот момент времени было одной из ведущих художественных школ страны. «Уровень образования тогда в Нижнем Тагиле был запредельный», – говорит Вадим Зубнов.

Оцените накал желания быть художником и любви семьи: пока он учился, его жена с дочкой и мамой ждали его в крохотной комнате в частном доме на Балмошной, где, кроме них, жили еще две семьи родственников. Он приезжал только на каникулы.

В 35 лет Николай Калабухов закончил обучение, что и по тогдашним, и по сегодняшним меркам – очень поздно. Дочери к этому времени исполнилось уже 10 лет. Квартирный вопрос их не испортил, жили дружно, но из-за жилья, и только из-за него, Николай Калабухов вынужден был поступить на работу в секретное конструкторское бюро. Им сразу дали двухкомнатную благоустроенную квартиру – большая ценность в советской Перми – в доме, где жила одна молодежь кэбзмашевская. «Упоительно!» – вспоминает атмосферу того времени дочь художника.

Перед домом была волейбольная площадка, на которой часто играли: Николай Калабухов, разумеется, тоже. Он очень спортивный был. Кроме того, часто ходил на «бетонку» (это на Гайве) загорать, и быстро

становился «чёрным». Очень любил природу, всегда брал с собой этюдник, и из леса приносил грибы. А вот с дачей не удалось. Им даже дали участок. Раза три съездили, посадили морковку, и всё. Потому что главной страстью Николая Калабухова была живопись, на которую оставались вечера и выходные.

Людмила Реброва:

– Он всю жизнь очень хотел работать художником. И мышление у него всё время в этом направлении работало. Однажды он делал в квартире ремонт, и такой красками на полу ковёр изобразил, что я даже ходить по нему не могла – впечатление потрясающее! Но позже на «ковре» протоптали дорожку, а потом и вовсе пришлось его закрасить.

Он никогда не ругался, и врагов у него не было, только друзья. Женщины его обожали, да и мои подружки тоже его

любили. Он их всегда развлекал и веселил. Всё говорил мне: «Давай, я научу тебя рисовать». Но мне этого не хотелось. «Я сама!» – говорила, и поступила в вечернюю художественную школу. Обычно мы с ним рядом рисовали натюрморты. У него всегда получалось роскошно.

Интересная история была с моим дипломом. Завтра его уже нужно было сдавать, и я показала папе свою работу. Он пришел в ужас. Переделать уже ничего не успевали. Он велел мне ложиться спать, а утром меня ждала новая дипломная работа, которую он мне сделал. Конечно, я за нее получила «отлично».

Вместе с мастерством и талантом в каждом этюде Николая Калабухова есть доброта и радость. Они и дали его работам прорасти сквозь асфальт времени, пробиться к свету известности. ☺

▲ Жаркий день. Картон, масло, 1970-е годы.

▼ Натюрморт со спичками. Бумага, акварель, 1949 год.

